

Валентин Голиненко

ХОРОШО, ЧТО Я БЫЛ...

Так получилось, что с Валентином Голиненко мы встретились всего лишь один раз в жизни. Это было в начале мая 1993 года. В тот день группа литераторов из Усть-Каменогорска отправилась на автобусе в Шемонаиху на празднование 110-й годовщины Георгия Гребенщикова. Мне запомнилась теплая, дружеская атмосфера той встречи. Самый старший представитель нашей литературной студии «Устье» Валентин Балмочных был здесь не впервые и хорошо знал местных поэтов. Один из его знакомых был из поселка Первомайский, такой же крупный, с несколько грубоватыми чертами лица, и звали его тоже Валентином. Фамилия – Голиненко. В нем чувствовалась природная сила, уверенность в себе, но при этом он запомнился мне скромным, обаятельным и немногословным человеком. Так два Валентина и находились рядом весь вечер. После проведения официальной части чествования годовщины Гребенщикова мы читали свои стихи. Когда вышел Голиненко, зал принял его с восторгом – не только потому, что он представлял свой, Шемонаихинский район, но и за его крепкие, запоминающиеся стихи.

Прохладное, как яблоко в росе,
Тяжелое, как яблоко в ладони,
Катилось солнце по речной косе, –
Его губами пробовали кони.

А потом была «Ночь»:

Искры сыплются с клена
Догорать на песке.
Ночь темна и студена,
Как вода в роднике.

Вот и все, что осталось в памяти от тех далеких дней. Но и за эту короткую встречу я благодарю Бога, за то, что я видел этого замечательного, на удивление одаренного поэта. Тогда я, как все начинающие, был слепым юношей, не способным по достоинству оценить его дарование, а сейчас должен честно признаться, что Валентин Голиненко был среди моих коллег по перу, наверное, самым тонким лириком. У поэта имеется в арсенале и лиро-эпический цикл «Песочные часы», где он обращается к своим казачьим корням. Но не это самое ценное в его творчестве. Пейзажная лирика и, в еще большей мере, порой предельно откровенная,

зашкаливающая в градусе, любовная лирика – верх творчества поэта. Он находит редкие, самые нужные, самые незаменимые слова, когда обращается к женщине, которую поставил в центр своего мироздания. В этом крупном человеке, с чертами, далекими от эталона красоты, хранилась тонкая душевная организация. Путь его был сложным и пролегал в местах, далеких от лирики, будь то армейская разведка, учеба в политехническом институте или работа электрослесарем на заводе... Но он сумел сохранить душу для главного в своей жизни – для Поэзии. И этот разлад между внешним и внутренним, между бытом в переломную эпоху, выпавшую на нашу долю, и внутренним лирическим даром, не мог пройти бесследно и, думаю, явился причиной преждевременного ухода поэта. Для читателя, истосковавшегося в нашу глухую эпоху по настоящей поэзии, стихи Валентина Голиненко будут находкой и откровением, и всколыхнут в душе самые теплые и трепетные чувства.

Сергей Комов

Риддер – Санкт-Петербург

* * *

Прохладное, как яблоко в росе,
Тяжелое, как яблоко в ладони,
Катилось солнце по речной косе, –
Его губами пробовали кони.
Я снова здесь – и снова я о том,
Что чистый воздух густ и неподвижен,
Что в этом чистом воздухе густом –
Прислушайся –

черемух шелест слышен.

Безветренно, а листья шелестят.
Черемуха склоняется напиться.
И не похож на прежние закат –
И тоже никогда не повторится.
Ух, как хотелось время одолеть!
Остановить, переупрямить в муке,
Чтобы себе, как есть, запечатлеть
Все эти краски, запахи и звуки.
Чтоб ясное, как яблоко в росе,
Прохладное, как яблоко в ладони,
Катилось солнце по речной косе,
Его губами пробовали кони.

НОЧЬ

Искры сыплются с клена
Догорать на песке.
Ночь темна и студена,
Как вода в роднике.

За оврагом, за рощей,
В лещачьем бору
Ветки ягоды волчьей
Воют, как на ветру.

Филин ухаёт, или
Зыбью поле взялось,
Или эхо забыли –
В камнях прижилось.

Иль во млечной, туманной
Зге ночного огня
Кто-то близкий и странный
Кличет-ищет меня.

Где сбежались дороги,
Наш очаг не погас,
От любви и тревоги
Ты проснешься сейчас.

* * *

Пала алая мгла
На закат, на румяна.
Из гнилого угла
Натянуло тумана.

К ночи слякоть и снег.
В поле темные знаки.
Попрошусь на ночлег,
А в ответ – ни собаки,

Ни души, никого...
Хоть бы мыши пищали.
А и надо всего,
Чтоб поленья трещали

В жарком зеве печи,
Чтобы угли алели.
Чтобы в гиблой ночи
И меня пожалели.

* * *

О любви на рассвете блажит воронье,
Только все это лажа, досада, вранье.
На плече занемевшем, в тумане волос –
Нелюбимая женщина. Ветер принес.

Это ветер и морок, и вся маета,
Это темень Вселенной
В спираль завита,
Это шлялись деревья, им все не спалось,
И ломились в дома, и колечко вилось.

И гуляла сирень. И нам было темно.
А еще нам обоим все было равно.
Она спит – и ей руки мои не тесны.
На рассвете ей детские видятся сны.

А за окнами пух, тополиная мга,
И лешак с медовухой обходит лога.
И когда он доходит до края земли,
То шалеют спросонок цветы
И шмели.

И всем телом дрожит
Молодая сирень, –
И сиреневый отсвет ложится на тень.
И глаза открывает
Под грай воронья
Нелюбимая женщина – горечь моя.

* * *

Откровенны глаза у голубы,
Не умеют они обмануть.
Зацелую ресницы и губы,
И колени, и грудь.

Зацелую, заставлю забытья,
Сладким стоном заставлю стонать:
Помни, горлинка, знай, голубица,
Улетишь – стану сниться и мниться,
Будешь век обо мне поминать.

А ведь ты улетишь! Ты такая,
Ты саякая – в глазах небеса.
Улетишь ты, рассвет рассекая,
За моря, за леса.

Всклени тоскою граненый наполню,
С ней, зеленой, смешается грусть.
Твои тайные родинки помню
Все – на ощупь, на вкус, наизусть.

Там под кожей дышат тревожно
И пульсируют ревность, и страсть,
И вино – и никак невозможно
Уцелеть и совсем не пропасть.

Но вино не избавит от жажды.
И не сможешь взлетать без любви.
Ты другого, чужого, однажды,
Как меня назвала, назови!

* * *

Дождливы, послушай, июньские ночи,
До утра погожи:
В лесной полосе
Курятся плетеные гнезда сорочки,
Осины стоят по колена в росе.
Вот так и запомнится это, как будто
Еще до рождения жили во мне
И теплая нота шмелиного гуда,
И чайка на серой Иртышской волне...
Обнимем коней,
Да по травам по росным,
По влажному, по золотому песку
Нас вынесут кони
К взлетающим соснам –
На правом, обрывистом берегу.
И там, над обрывом, прохладен и сладок
С покосных лугов восходящий поток,
И взгляд улетает, и между лопаток
Протяжный, ознобный сквозит холодок.

Запомню, как чайки с волною играют,
 Обрыв под ногами качается, крут,
 А волны, на стрежне родясь, не стихают
 У берега дальнего –
 Полем идут.
 О, все я запомню, поскольку не вечен
 На этой планете в космической мгле,
 Поскольку есть утро,
 Поскольку есть вечер,
 Поскольку мне выпало жить на земле.

* * *

Рад рассветной летней воле,
 Сивка – тоже рада.
 За Ульбой светает поле –
 Не хватает взгляда.

Свежей сыростью речною,
 Пахнут черноталы,
 Облака над Бухтармою,
 Точно угли, алы.

Холодок шершавит кожу.
 Воздух пью, как влагу.
 Распрягаю, не стреножу
 Тихую конягу.

Травы тянутся высоко.
 Полосну косою –
 Брызнет синяя осока
 Соком и рососою.

За Ульбой светает поле –
 Не хватает взгляда.
 Ничего не надо боле.
 Ничего не надо.

* * *

И побродишь по белому свету,
 И войдешь в травостой голубой,
 И вернешься на эту планету –
 К шалашу над вечерней Убой.

И тогда повезет: среди ночи
 Налетит и разбудит гроза.

Зыркнут ягоды алые волчьи,
 Словно стаи голодной глаза.

Быстрый ливень ударит о камни,
 О бегущую пропасть реки,
 И заходят в потемках кругами
 По воде окуней плавники.

А когда изорвется на клочья
 Грома беглого рокот глухой,
 Всё не гаснут – ни ягода волчья,
 Ни шиповник – от ветра сухой.

И под кровлей, трухлявою, ветхой
 Не слышны ни звезда, ни зверье,
 Только тополь неловкою веткой
 Все скребется в жилище твое.

* * *

Этот стук, этот звон,
 утомительный зуммер.
 Я в закрытые двери
 в сердцах матюкнусь:
 Не ломитесь ко мне, я уехал – и умер.
 Я уехал и умер. Я после вернусь.

Не ищи меня, брат.
 Не тревожься, подруга.
 Влажный ветер протяжный,
 не трогай окно.
 Я да мышка-норушка, ночная зверюга;
 Хлеба кус на двоих, и табак, и вино.

Из двоих – я и есть
 самый-самый никчемный.
 Аль какая пружинка в башке сорвалась,
 Но припомнилось что-то такое, о чем я
 И не помнил вовек,
 и не знал отродясь.

Вот прикрою глаза.
 Потолок провернется,
 Опрокинутся стены, топчан улетит.
 И любимая женщина снова вернется.
 Печь растопит,
 отмоет, накормит, простит.

Мы по темному парку,
по листьям по алым.
Я дыханье любимой губами ловлю.
Мало этого мне, но я счастлив и малым:
Я любил и люблю, я – любим и люблю.

Все теперь на местах.
Все легко и понятно.
Все я помнил и знал,
но досадно забыл.
И смотрю в потолок,
где разводы и пятна.
Хорошо, что ты есть.
Хорошо, что я был.

* * *

Здесь так хорошо: одиноко.
Попробую воду – тепла.
Течет моя речка Протока,
Течет, как и прежде текла.

Налимов на шивере прячет
Да моет песок золотой,
Течет, как и прежде, а значит,
Ничто не придумано мной.

Плеснется вода к подбородку,
На остров я вброд перейду,
Разбитую временем лодку
В замшелых корягах найду.

На ветхие доски присяду,
Поверхность воды задрожит,
И непостижимое взгляду
Пространство меня закружит.

И дружбы, и ссоры, и лица,
И земли, где жить довелось,
Успеют в волне отразиться,
В которой все видно насквозь.

* * *

Ночь темна, как луна наизнанку,
Холодна, как подтаявший лед.
Но петух заорет спозаранку –
Все пройдет, даже это пройдет.

И продрогшего, трезвого, злого
Суматохою встретят грачи.
И войдет в тебя прошлое снова –
Так вонзится, хоть волком кричи.

Грязный снег и подмерзшие лужи,
И грачи на церковных крестах,
И кристаллы слабеющей стужи
Белым пухом на черных кустах.

И – прощайте, прощайте, прощайте –
Все простите, кого потерял!
Время – лекарь плохой, беспощадный,
Его скальпель под сердцем застрял.

* * *

Потолок мой измерян шагами.
Мне прогулки такие милы.
Штукатурка хрустит под ногами,
И хожу я прямыми кругами,
И срезаю кривые углы.

Вертит лампочка шейкою тонкой,
Удивленно качает башкой.
Я такой же –
Под глянцевою пленкой –
Здесь на фото старинном с девчонкой –
Тонкошей и светлый такой.

Когда лампочку я выключаю,
Опускаюсь когда с потолка,
То случайную фифу встречаю
И, конечно, её привечаю,
А на сердце тоска, как доска.

Потому-то и мерю острожно
Потолок мой, когда мне темно.
Все бы ладно, да пить невозможно:
Проливается на пол вино.

* * *

Лег туман на острова,
Расслоился рыхло,
Замолчали деревья,
И река утихла.

Дрожь метнулась по земле.
 Новый день встречая,
 Чуть затеплились во мгле
 Свечи иван-чая.

Обнаженный луч зари
 Выпорхнул полого.
 Ни о чем не говори,
 Помолчи немного.

* * *

Я все придумал, ничему не верьте,
 Друзья мои, придуманные мной:
 И жизнь, и смерть, и все, что после смерти,
 Все сущее под солнцем и луной,

Но их я тоже выдумал. И снова,
 Как говорится, лучшего не мог.
 На самом деле было только Слово,
 Вы помните, и слово было Бог.

Изменчивой основы постоянства,
 И хаоса гармоний и огня,

И вечной бесконечности пространства,
 И вечности самой, да и меня –

На самом деле – не было и нету,
 И никогда не будет! Потому
 Стремимся мы к божественному свету,
 А сами погружаемся во тьму.

И каждый,
 Каждый, выдуманный мною,
 Меня придумал тоже, воскресил.
 И вот живу под солнцем и луною,
 Хоть никого об этом не просил.

И выдумал зарницы, что полощут
 В глазах любимой радости и грусть.
 Все родинки, все тайные – на ощупь –
 Я выдумал – на вкус и наизусть.

Так выдуманно мною все на свете.
 И крым и рым, подруги и друзья,
 И недруги.

И только строки эти –
 Ни выдумать, ни вымолить нельзя.

Валентин Григорьевич Голиненко родился 8 апреля 1954 года в Киргизии, в г. Кара-Балта. В 1962 году семья переехала в Восточный Казахстан, поселок Первомайский.

Служил в Германии войсковым разведчиком. После службы поступил в Томский политехнический институт на факультет автоматики и электромеханики, но учебу не окончил, ушел с 3-го курса. В стенах этого института в студии «Молодые голоса» он начал серьезно заниматься поэзией. Работал литературным сотрудником в многотиражной газете завода «Сибэлектромотор».

В 1980 вернулся в родной Первомайский, где работал электрослесарем на Иртышском химико-металлургическом заводе. В 1986 году окончил заочное отделение Литературного института имени Горького (семинар Ларисы Васильевой). Участник восьмого и девятого Всесоюзных совещаний молодых писателей в Москве. Стихотворения публиковались в республиканской «Ленинской смене», в журналах «Октябрь», «Сибирские огни», «Простор», «Студенческий меридиан», «Рабоче-крестьянский корреспондент», в альманахах и коллективных сборниках «Молодая гвардия – 83», «Томь», «Истоки». Автор книги стихов «Ключ» (1986). Сборник переведен на французский язык и издан в Голландии.

В 2014 году ушел из жизни, не дожив до своего 60-летия десять дней.

